

рудник Левиха Нижне-Тагильского района для поисков медных руд, так необходимых для военной промышленности. Именно там Н. А. неожиданно для всех начал писать стихи.

В 1943 г., вернувшись в Москву, Штрейс по настоянию Н. Н. Шатского готовит кандидатскую диссертацию «Стратиграфия и тектоника зеленокаменной полосы Среднего Урала». Его оппоненты единодушно признают эту работу достойной докторской степени. Эта работа получила премию Карпинского и была рекомендована в качестве учебного пособия для студентов. В 1956 г. Н. А. Штрейс назначен зав. отделом общей и сравнительной тектоники. Его перу принадлежит более 100 научных работ.

И, наконец, несколько слов о публикуемом ниже стихотворении «На 800-летие Москвы». Незадолго до праздника в газете «Вечерняя Москва» было опубликовано предложение всем желающим написать стихотворение, посвященное этому торжественному дню, употребив предлагаемые редакцией готовые рифмы («буриме»). Штрейс загорелся, стихи к сроку были готовы, и он послал их в редакцию. Через какое-то время по почте был получен один экземпляр «Вечерней Москвы», где было опубликовано стихотворение студентки Литературного института, занявшей первое место. Затем было сказано, что в редакцию поступило несколько сотен стихотворений, и названы фамилии трех сочинителей, чьи стихи признаны лучшими. Среди них было и имя Штрейса. Смеясь, он сказал: «Это мой первый гонорар за стихи. Пять копеек!» Столько тогда стоил один экземпляр «Вечерней Москвы».

Предисловие и публикация В. С. Неаполитанской

Н. А. ШТРЕЙС

НА 800-ЛЕТИЕ МОСКВЫ

Тебя не раз пытал коварный *враг*,
Но не сломил. Твердынь твоих *высот*
Переживет тысячелетий *сорок*,
И будет жить, как эти *восемьсот*.

Врагам своим ты воздала *сторицей*.
Бега времен, как бурная *река*,
Возмездием вскипали под *столицей*
И гнев несли в грядущие *века*.

Перед тобой склонились ниц *татары*,
Ты их взнуздали, забрала в *полон*.
Француза выгнали твои *пожары*,
Он был разбит — и пал *Наполеон*.

Ряды знамен и боевых *палаток*,
Как прежде были тверды и *стройны*,
Когда войны последней *отпечаток*
Лег на тебя — на сердце всей *страны*.

Тебя мы славим песнею, *былиной*
За то, что Русь хранила от *вояк*,
За то, что ты на берегу *Неглинной*
Для человечества зажгла *маяк*.

И, прошлое невольню *вспоминая*,
Народ в дни счастья, славы, *торжества*
Тебя за все благодарит, *родная*,
Великая, державная *Москва*.

2 апреля 1947 г.

Социальная история отечественной науки и техники

Ю. И. КРИВОНОСОВ

СРАЖЕНИЕ НА ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ

Философская дискуссия 1947 года — пролог идеологического погрома науки

Пятьдесят лет тому назад произошло событие, оставившее серьезный след в истории нашей науки. В официальных партийных документах оно именовалось как «Совещание работников научно-философского фронта, посвященное дискуссии по книге Г. Ф. Александрова „История западноевропейской философии“».

Многие обстоятельства этой философской дискуссии, проведенной под пристальным надзором партийных органов и по сценарию, разработанному Сталиным, до сих пор остаются не до конца ясными и объяснимыми. Главным образом, нас будут интересовать морально-этические аспекты этого «научного форума», ставшего своеобразной репетицией последовавших вскоре «научных сессий» в других областях науки. Следует отметить, что к этому периоду в партийных органах была сформирована специальная структура, призванная осуществлять не только идеологический контроль, но и прямое управление научной деятельностью, включая подготовку и расстановку научных кадров, создание новых научных организаций и крупных центров, распределение ресурсов и другие функции. Это было вызвано все возрастающей ролью науки в решении военных, экономических и идеологических задач, как они виделись руководству партии и страны.

Уже с первых лет советской власти именно партийные органы осуществляли постоянный надзор за наукой. В 20-е – начале 30-х гг. это делалось, как правило, с помощью «временных» комиссий, создававшихся государственными органами по решению Политбюро ЦК ВКП(б). К примеру, постановлением Политбюро от 29 октября 1925 г. Совнарком поручалось «назначить комиссию для связи и наблюдения за работой Академии наук. Состав комиссии предварительно внести на рассмотрение Политбюро». В связи с подготовкой к выборам в Академию наук новых членов, Политбюро в 1926–1929 гг. неоднократно рассматривало предложения специальной комиссии, изменяло и дополняло ее состав, задачи и название [1, с. 110]. В дальнейшем вопросы научной политики сосредотачивались в идеологических органах ЦК, в частности в Управлении агитации и пропаганды, образованном постановлением XVIII съезда ВКП(б) в 1938 г. Впервые самостоятельный орган, непосредственно отвечающий за положение в науке, был создан постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 22 мая 1942 г. в составе Управления агитации и пропаганды. В 1947 г., когда Секретариат ЦК утвердил новую структуру Управления, в состав отдела науки вошли следующие сектора: научной разработки вопросов марксизма-ленинизма; преподавания основ марксизма-ленинизма и научной разработки вопросов истории партии; научной разработки вопросов и преподавания философии, истории, логики, психологии; преподавания и научной разработки истории СССР и всеобщей истории; преподавания и научной разработки экономических дисциплин; естественно-технических наук [2].

Структура отдела дает ясное представление об основной направленности его работы. Впоследствии подразделения по руководству наукой создавались и в на-

зовых звеньях партийного аппарата, вплоть до райкомов в городах, где имелись исследовательские институты и вузы. Идеологические вопросы были одними из главных в деятельности партийной структуры, контролировавшей науку, вплоть до начала 90-х гг. Особенностью философской дискуссии*, как, впрочем, и последовавших за нею «научных сессий» в других областях знаний, являлось то, что все они организовывались по прямому указанию Сталина и находились под его неослабным наблюдением. В истории мировой науки XX в. нет примеров, когда бы высшее лицо государства непосредственно вмешивалось не только в решение вопросов общей организации науки, взаимодействия ее с государством, но и в решение внутринаучных, содержательных проблем, причем в различных областях знаний — философии, биологии и генетике, экономике, языкознании, физиологии и психологии и др. Несомненно, главной целью Сталина при организации «сражения» на философском фронте, тщательно маскируемого словами о свободе научных споров, были восстановление и укрепление жесткого идеологического диктата в науке, который несколько ослабился после победы над фашизмом, породившей в научных кругах иллюзии большей свободы. Вероятно, Сталин предполагал вернуть страну в состояние, которого она достигла в конце 30-х гг. после чудовищных репрессий. Главным объектом усилий идеологического аппарата в достижении этих целей была научная и художественная интеллигенция, в глубинах которой бродил дух недовольства и сопротивления единомыслию. Установка в отношении научных кадров, которая претворялась в жизнь, была наиболее полно сформулирована Сталиным еще в 1939 г.

Выращивание и формирование молодых кадров протекает у нас обычно по отдельным отраслям науки и техники, по специальностям. Это необходимо и целесообразно. Нет необходимости, чтобы специалист-медик был вместе с тем специалистом по физике или ботанике, и наоборот. Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательно для большевиков всех отраслей науки, — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнувшегося, скажем, в математику, ботанику или химию и не видящего ничего дальше своей специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки, — он должен быть вместе с тем политиком-общественником... Задача партийной пропаганды, задача марксистско-ленинского воспитания кадров состоит в том, чтобы помочь нашим кадрам всех отраслей работы овладеть марксистско-ленинской наукой о законах развития общества [5, с. 598–599].

Разумеется, для решения этих задач в «марксистско-ленинской науке» необходимо было обеспечить полное единодушие и единомыслие, выработать не подлежащие обсуждению «закономерности». Закреплению таких общих правил дальнейшей идеологической обработки общества и должна была послужить дискуссия на философском фронте. М. Г. Ярошевский, который был свидетелем этих событий, отмечал, что «началось с философии, поскольку она касается наиболее общих законов бытия и познания, стало быть всех наук. Затем пошли конкретные науки» [6, с. 21]. Заметим, что такое давление на интеллигенцию коснулось не только

* После открытия партийных архивов появилось несколько интересных публикаций, описывающих это событие, а главное, основанных на ранее засекреченных документах. Наиболее полный анализ дан в работах В. Д. Есакова [3], Г. С. Батыгина и И. Ф. Девятко [4].

науки. Уже были «повержены» А. Ахматова и М. Зощенко, готовили разгром Д. Шостаковича и С. Прокофьева.

«Первый бой» на философском фронте

Для того чтобы попытаться разобраться во всех хитросплетениях этих событий и понять (хотя бы гипотетически) замыслы режиссера, всегда остававшегося за кулисами, необходимо обратиться к главному действующему лицу — автору обсуждавшейся книги академику Г. Ф. Александрову. К концу 1946 г. это был, пожалуй, самый могущественный деятель философской элиты. К тому времени он уже шесть лет возглавлял одно из важнейших в структуре ЦК ВКП(б) Управление агитации и пропаганды, являлся членом Оргбюро, кандидатом в члены ЦК*. В 1943 г. Александрову в составе авторского коллектива «Истории философии» (в 2-х томах) была вручена Сталинская премия. В начале 1946 г. вышла в свет его книга «История западноевропейской философии», получившая положительные отзывы в его философском окружении и в печати. Книга также была удостоена Сталинской премии, и уже в конце года он избирается действительным членом Академии наук СССР. Разумеется, что все его назначения, награждения, выборы в Академию могли состояться только с прямого согласия Сталина, поэтому критика партийного функционера такого ранга «снизу», со стороны «простых» философов, была опасна и малопродуктивна без санкций «с самого верха». А, судя по архивным документам, на такую санкцию вряд ли осмелился бы даже кто-то из секретарей ЦК, включая А. А. Жданова, в то время второго человека в партии.

Каким образом Александров стал «героем» развернувшихся вскоре событий? Существуют свидетельства, что, по просьбе Александрова, Сталин познакомился с его книгой, возможно, будучи в отпуске осенью 1946 г., после чего вызвал философов: М. Б. Митина, П. Ф. Юдина, П. Н. Поспелова (давших ранее положительные отзывы на книгу), самого Александрова и высказал ряд замечаний и указаний [6, с. 20]. Среди архивных документов, относящихся к этому делу, имеется письмо З. Я. Белецкого, в то время профессора МГУ, датированное 18 ноября 1946 г., с резкой критикой книги и некоторых действий самого Александрова** [7]. К сожалению, по имеющимся документам нельзя пока точно установить, сам ли Сталин нашел идеологическую крамолу в книге, состоялась ли его беседа с философами до или после прочтения им этого письма и какое влияние оно оказало на принятие им решения о дискуссии. Возможно, когда будет открыт доступ ко всем материалам Политбюро и личному фонду Сталина, эти обстоятельства можно будет прояснить более точно***. Судя по содержанию письма и времени его написания (если оно не было заказным**** или если слух о мнении и последующем совещании у

* В. Д. Есаков [3] на с. 84 неточно указывает дату назначений Г. Ф. Александрова — 1939 г. В действительности он был назначен начальником Управления агитации и пропаганды после ухода с этого поста А. А. Жданова — 6 сентября 1940 г., избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б) на XVIII партконференции в феврале 1941 г., утвержден членом Оргбюро ЦК в марте 1946 г.

** Частично опубликовано В. Д. Есаковым [3, с. 85–87].

*** Б. М. Кедров писал, что «серьезные критические замечания Сталина последовали в декабре 1946 г., т. е. после получения письма Белецкого» [8, с. 93].

**** Вызывает сомнение случайное совпадение с намерениями Сталина и письмо на его имя от некоего инженера П. Михалевича с критикой книги Александрова от 27 ноября 1946 г., направленное сразу после получения секретарем Сталина Поскребышевым А. А. Кузнецову, а последним — другим секретарям ЦК и руководителям Управления агитации и пропаганды. Оно, как «глас народа», как бы подтверждало правильность принятого решения о дискуссии по книге.

Сталина не дошел до Белецкого и от тайных недоброжелателей Александрова, и он проявил опасную инициативу), одной из его целей было воспрепятствовать избранию Александрова в члены Академии наук.

В декабре 1946 г. именно это письмо формально было использовано при решении Секретариата ЦК ВКП(б) вопроса об организации обсуждения книги*.

Как показывает опыт организации многочисленных процессов 30-х гг., у Сталина (если он хотел этого) было много способов решить вопрос с Александровым, долгие годы бывшим одним из его верных идеологических помощников, и достаточно философских проблем, по которым можно было организовать дискуссии. Остается только гадать, почему он остановился именно на этом «герое» и на таком сценарии. Но при взгляде на весь массив документов дела напрашивается ряд предположений. Выбор кандидатуры Александрова был удачен для острастки верхних эшелонов партаппарата, тем более для демонстрации намерений руководства страны перед научным сообществом. Если лицо, занимавшее высокий партийный пост и увешанное многочисленными регалиями, может быть подвергнуто публичной «порке» за не очень ясные отступления в области истории философских проблем — что тогда говорить о других? Еще раз можно показать, что никакие прежние заслуги и награды не смогут оградить от ответа за идеологические преступления (мнимые или действительные), если так посчитает партийный ареопаг.

Несомненно, определенную роль сыграло и то, что Сталин мог заранее предвидеть поведение Александрова**.

Интересную мысль, на наш взгляд, высказал участник дискуссии Я. А. Мильнер:

Я нахожу т. Александрова способным философом и еще более способным организатором. Но он стремился подавить своим служебным положением какое-либо движение на философском фронте. Он слишком увлекся игрой в создателя школы наподобие Аристотелевского ликея. Он, видимо, забыл, что истинный глава школы вот уже более полстолетия как работает не покладая рук на радость и счастье всего передового и прогрессивного человечества [10].

Аналогия (из-за различного масштаба личностей и их дел) достаточно условна, но можно вспомнить, как ревностно относился Сталин к славе Жукова. Возможно, в философии, где он считался равным с классиками марксизма, он мог поставить на место «выскочку», которого сам создал, тем более что почетный академик многие годы уже воспевался как корифей всех наук, и с каждым новым «сражением на научном фронте» славословие, в том числе и в официальных научных кругах, росло и множилось.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б), принятым 26 декабря 1946 г. [11], в сжатые сроки был разработан сценарий и осуществлена необходимая подготовка. Проведение дискуссии поручалось Институту философии АН СССР. Курировал эту работу секретарь ЦК А. А. Кузнецов. По регламенту, представленному П. Н. Федосеевым (в то время главный редактор журнала «Большевик» и заместитель Александрова, которому ЦК поручил руководство подготовкой собрания),

*. Следует отметить, что Белецкий был основным критиком III тома «Истории философии» и в этом качестве был известен высшему партийному руководству.

** Вот что пишет по этому поводу М. Г. Ярошевский: «Сталин хорошо разбирался в психологии своего окружения. Он знал, каким образом рядовой преподаватель Александров, после того как в 1937–1938 гг. летели одна голова за другой, оказался в высшем партийном эшелоне. Знал, что, приняв присланную ему Сталиным вину, будет любыми средствами ее искупать». И он не ошибся. Александров, успевший получить звание академика, сыграл зловещную роль во всех последующих «дискуссиях» [9, с. 78].

предполагалось, что первый выступающий сделает «обстоятельный критический разбор книги на основании указаний товарища Сталина». Был определен и порядок подготовки материалов к последующей публикации. Открыть и вести заседания поручили В. С. Кружкову — директору Института марксизма-ленинизма (ИМЛ)*. Интерес представляет предложенная Федосеевым «разрядка» участников этой философской дискуссии: научные работники Института философии АН СССР, преподаватели философии МГУ, преподаватели и руководители кафедр Академии общественных наук, Высшей партийной школы, трех московских пединститутов и военных академий, академики, члены-корреспонденты АН СССР и директора Институтотделений истории и философии составляли меньшую часть по сравнению с членами редколлегии газеты «Правда», журналов «Большевик», «Партийная жизнь» и редакторами центральных общественно-политических газет, членами бюро МГК и МК ВКП(б), первыми секретарями райкомов Москвы, руководителями политуправления Вооруженных Сил, Минвуза и Минпросвета и работниками аппарата ЦК ВКП(б) [12]. Ясно, что работники парт-аппарата и министерств нужны были не для обсуждения философских проблем, а для создания необходимой атмосферы и одновременно для своеобразного повышения собственной «квалификации» на примере Александрова.

В процессе подготовки к дискуссии в ЦК были приглашены ведущие партийные философы — директора институтов при ЦК, заведующие главных философских кафедр, редакторы партийных изданий (Кружков, Митин, Юдин, Пospelов и др.). Им были даны соответствующие установки. Всего через две недели после принятого Секретариатом ЦК решения — 14 января 1947 г. в Институте философии АН СССР началось обсуждение книги Александрова. Определенную пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что Александров оставался на своем посту и в существовавшей партийной системе иерархии продолжал быть прямым начальником многих именитых участников дискуссии. Это ко всему прочему позволяло «режиссеру» наблюдать «сверху» и оценивать поведение философской элиты в сложных и щепетильных для нее обстоятельствах. Еще большее смятение Сталин внес в умы «философской общественности» и особенно в умы аппаратчиков Управления агитации и пропаганды, и Секретариата ЦК, не лишив Александрова почетного права выступить с докладом на Торжественном заседании, посвященном XXIII годовщине со дня смерти В. И. Ленина, которое состоялось через два дня после завершения дискуссии [13]. На дискуссии некоторые выступавшие обвиняли Александрова в отступлении от марксизма, а он по решению Сталина готовил свое ультрабольшевистское выступление, считавшееся партийной установкой ЦК для всей страны. За день перед заключительным заседанием философов, 17 января, Александров направляет свой «ленинский» доклад на утверждение Сталину и получает резолюцию: «Читал, есть правки (в тексте). Сталин» [14]. В своем докладе на торжественно-траурном заседании Александров в завуалированном виде отразил критику в свой адрес:

Центральный Комитет и лично товарищ Сталин указали на крупные недостатки, имевшие место в некоторых произведениях в области общественных наук**, литературы, искусства. Принятые партией меры к ликвидации безыдейности, аполитичности, проявившихся в ряде произведений литературы, искусства, науки, к пре-

* Следует отметить, что по действовавшему в то время положению ИМЛ входил в состав Управления агитации и пропаганды на правах отдела.

** Слова «в некоторых произведениях в области общественных наук» — правка Сталина. Своей правкой Сталин недвусмысленно указывает на ошибки самого Александрова.

сечению недопустимого либерализма в отношении чуждых большевизму взглядов нашли горячую поддержку в самых широких кругах наших кадров, интеллигенции. В результате этих мер в нашей стране происходит новый подъем культуры и искусства, усиливается идеологическая, партийно-политическая и пропагандистская работа партийных организаций, поднимается на более высокую ступень все дело воспитания кадров в духе боевых большевистских традиций, в духе ленинизма. Надо полагать, что это вызовет также подъем деятельности наших институтов и всех ученых, работающих в области общественных наук — истории, права, экономики, философии, международных отношений [15].

Озвученная Александровым партийная установка характеризует и дух того времени, и положение науки, особенно ученых, работавших в области общественных наук.

Но вернемся к заседаниям в Институте философии. В ходе дискуссии, наряду с заслуженной критикой, в ряде выступлений было достаточно демагогии, и говорить о соблюдении научной этики, моральных критериев не приходится. Но, как отмечают все исследователи, общий настрой дискуссии был достаточно миролюбивый. Многие выступавшие распространяли ошибки автора обсуждавшейся книги на все философское сообщество. Например, С. Ф. Францев отмечал, что «мы имеем дело не просто с индивидуальными ошибками в книге Александрова..., эти ошибки многих, которые достаточно типичны..., характеризуют положение на нашем историко-философском фронте» [16, л. 13]. Эту же линию развивал в своем выступлении директор Института философии Г. С. Васецкий. Отвергая огульную критику книги, он сказал:

Отдельные товарищи, выступавшие здесь, говорили, что книга т. Александрова написана с немарксистских позиций. Это особенно подчеркивал т. Белецкий. Я считаю своим долгом заявить, что подобное утверждение является совершенно не обоснованным, демагогическим, ибо оно не соответствует действительности. Я уверен, что абсолютное большинство здесь присутствующих согласны с этим... Трудность заключалась в том, что он (Александров) не мог опереться на 20–30 хороших марксистских монографий по отдельным вопросам истории философии [16, л. 140].

В выступлении Б. М. Кедрова говорилось, что «Книга т. Александрова содержит как-никак основу для дальнейшей работы..., дает такой материал, от которого можно идти дальше...» [16, л. 20]. Судя по стенограмме, поддержку зала вызвало острое высказывание И. В. Кузнецова:

В заключение хочу сказать, что нам нужно осудить не только теоретические ошибки в области философии, но и «ученых», у которых нет никаких теоретических ошибок, потому что нет никаких теоретических высказываний (смех, аплодисменты). Существование таких людей действует глубоко развращающим образом на все области науки [16, л. 46].

Но наиболее симптоматичным было выступление П. Н. Поспелова, члена ЦК, главного редактора газеты «Правда», подчинявшегося непосредственно Секретариату ЦК. К тому же он встречался со Сталиным и был участником совещания в ЦК перед началом дискуссии и наиболее точно мог ориентироваться в желаниях высшего руководства. И, разумеется, не мог позволить себе идти с ними вразрез, тем более что являлся на этой дискуссии представителем высшей партийной власти. Он заявил следующее:

Книга т. Александрова «История западноевропейской философии» обладает известными достоинствами. Она представляет несомненный интерес как первый опыт сжатого учебника по истории философии. Достоинством книги является и то, что автор, как здесь указывалось, в известной мере попытался исправить те ошибки и недостатки, которые были допущены в III томе «Истории философии»... Но книга т. Александрова, чтобы стать настоящим учебником, нуждается в серьезной, основательной переработке... Указания Иосифа Виссарионовича Сталина в одной беседе по вопросам философии в связи с книгой товарища Александрова имеют исключительно важное теоретическое значение и дают направление для работы наших философов и не только философов, но и для всего нашего идеологического фронта. В свете указаний и критических замечаний товарища Сталина книга т. Александрова может и должна быть подвергнута коренной переработке, и автор может осуществить эту серьезную длительную работу [16, л. 4].

Эти высказывания, на мой взгляд, отражают в определенной мере неясность для партаппаратчиков позиции Сталина по отношению к Александрову и предчувствие, что до серьезных оргвыводов дело не дойдет, тем более что Пospelов не мог не знать, кому Сталин поручил выступить с докладом на торжественно-траурном заседании. Но он ошибся, правда, без видимых для себя последствий. Видимо, сравнительно мягкий общий фон дискуссии устраивал не всех. Вот воспоминания участника этих заседаний М. Г. Ярошевского:

Обсуждение проходило в здании на Волхонке, 14, где находились некоторые гуманитарные институты Академии наук СССР. В первом ряду большого зала сидел человек в генеральской форме, изредка выражавший жестами и репликами негодование по поводу отдельных выступлений, а также характера ведения дискуссии председателем. Этим человеком, как мне сказали, был секретарь Сталина Поскребышев. Вероятно, он и доложил «хозяину» о «либеральном» характере критики, после чего результаты первой дискуссии, на которой выступали сподвижники Г. Ф. Александрова, надеявшиеся его «спасти», были дезавуированы и назначена новая «дискуссия», которая на сей раз проходила в Кремле и носила несравненно более жесткий характер [9, с. 82].

Открывая заседание 18 января, В. С. Кружков предупредил, что общее число выступавших будет около 20 человек и целесообразно дискуссии на этом закончить. Те, кто не успеет выступить, смогут представить свои замечания в журнал «Большевик». Нет сомнения, что вопрос о завершении дискуссии был согласован в ЦК ВКП(б).

На этом заключительном заседании с покаянной речью выступил Александров. Он обязался в короткий срок переработать свою книгу в свете указаний вождя.

Стенограмма выступлений участников дискуссии, записка «Краткие предварительные итоги обсуждения книги т. Александрова Г. Ф. ...», проект записки на имя Сталина были уже к концу января представлены Кружковым и Васецким секретарю ЦК А. А. Кузнецову.

А дальше начались события, подтверждающие предположения, что в Секретариате ЦК не было ясности относительно дальнейших замыслов Сталина. А. А. Кузнецов, судя по документам архива, видимо, оттягивал время, поручая неоднократно переделывать материалы, надеясь выяснить позицию Сталина. Наконец 14 марта 1947 г. вопрос об итогах философской дискуссии был обсужден на Секретариате ЦК [17]. Подготовка к этому заседанию длилась почти два месяца, но все равно не удалось сделать материал, удовлетворяющий требованиям ЦК.

Это можно объяснить только нечеткостью самих требований. Кружкову было поручено опять переработать материал для публикации в журнале «Большевик» «с учетом состоявшегося на Секретариате ЦК обмена мнений» и снова, причем через 2 дня, внести на рассмотрение ЦК. Но после этого материал вновь был отправлен на переработку*. Однако вся эта длительная возня с текстом оказалась ненужной. Но в то время вряд ли кто-то из исполнителей догадался об этом. После представления в ЦК ВКП(б) окончательного варианта текста, предназначенного для публикации, многим казалось, что вопрос о предмете философской дискуссии можно считать решенным. Если бы Сталина действительно волновали чисто философские проблемы, вероятно, дело закончилось бы публикацией в «Большевике», правда, с неясными последствиями для самого Александрова. Однако дело приобрело совершенно другой оборот. Можно только строить предположения, зачем Сталину потребовалось продолжение дискуссии.

Стратегия и ход «главного сражения»

Касаясь этого вопроса, В. Д. Есаков предположил, что объяснение, возможно, удастся найти, когда будут открыты документы архива Политбюро [3, с. 90].

Г. С. Батыгин и И. Ф. Девятко отметили лишь, что «решение это оказалось для философов шокирующим» и «было принято Сталиным, исходя из каких-то тактических соображений» [4, № 1, с. 144]. Среди части рассекреченных документов Политбюро** мне удалось найти решение по этому вопросу, принятое на заседании 24 апреля 1947 г. Вот его текст:

О дискуссии по книге т. Александрова «История западноевропейской философии»

ЦК ВКП(б) получил материалы об итогах дискуссии, проведенной Институтом философии Академии наук в середине января 1947 г. по книге тов. Александрова.

Просмотрев представленные материалы, ЦК пришел к выводу, что как организация дискуссии, так и способ подведения ее итогов оказались неудовлетворительными. К дискуссии не были привлечены работники из республик и других крупных городов, кроме Москвы. Часть записавшихся в прениях не получила слова. Речи большинства записавшихся ораторов приведены в самом кратком изложении. По всем этим причинам дискуссия оказалась куцей, неэффективной и не принесла должных результатов.

Ввиду вышеизложенного ЦК постановляет:

1. Организовать к концу мая новую развернутую дискуссию по книге тов. Александрова.
2. Привлечь к участию в дискуссии кроме московских работников также работников республик и крупных городов по списку.
3. Все выступления должны быть застенографированы, а после дискуссии стенограммы должны быть опубликованы отдельным изданием.
4. Организацию и проведение новой дискуссии поручить т. Жданову [18].

* Более подробно эта ситуация описана у В. Д. Есакова [3]. Однако автор указывает, что окончательный материал был опубликован в журнале «Большевик» [3, с. 89]. На самом деле материалы первой дискуссии, проходившей в Институте философии, так и не были опубликованы.

** Критерии, по которым часть документов Политбюро ЦК ВКП(б) этого периода оказалась открытой для исследования, а другая нет, неясны.

К сожалению, и этот документ не дает ответа на главный вопрос: зачем это было нужно Сталину? Текст, составленный в сталинском стиле, подтверждает, что именно Сталин принимал решения, связанные с философской дискуссией. Только он мог внести в решение Политбюро фразу: «По всем этим причинам дискуссия оказалась куцей, неэффективной и не принесла должных результатов». Каких результатов ждал вождь, осталось неясным, как и то, что говорилось на заседании Политбюро при обсуждении этого вопроса.

Текст этого решения потом практически целиком войдет во вступительное слово Жданова на открытии второго акта дискуссии, правда, без ссылки на первоисточник.

Становится ясно, почему не были опубликованы материалы январского заседания — они не отвечали замыслам вождя. Разумеется, никакого научного смысла второй этап дискуссии иметь не мог. Обсуждать специфические историко-философские проблемы в такой аудитории (на заседания приглашались уже около 500 человек, значительная часть которых никакого отношения к проблеме не имела либо была вынуждена присутствовать по разнарядке, либо из чистого любопытства) вряд ли целесообразно и продуктивно. (Разнарядку участников дискуссии см. [3].) Снять Александра Сталин мог уже после январской дискуссии без всяких новых обсуждений. Выразить неудовольствие действиями секретаря ЦК А. А. Кузнецова, отвечавшего за обсуждение книги в Институте философии, он мог другим способом*.

Придать вопросу широкую публичную огласку с помощью прессы тем более не составляло труда. Следует отметить, что, принимая решение о повторном обсуждении книги, демонстрируя тем самым свое недовольство результатами первой дискуссии, Сталин опять оставляет Александра на посту руководителя главного идеологического подразделения ЦК. На мой взгляд, второй акт дискуссии позволял выявить резервы «философского фронта» на периферии и показать партийным чиновникам, приглашенным с мест, как надо вести себя и идеологическую борьбу — особенно в интеллигентной среде. Но вряд ли это была главная цель Сталина**.

На открытии этого совещания попытки А. А. Жданова объяснить эту необходимость выглядят неубедительно. Он говорит:

* В феврале 1949 г. Политбюро принимает решение «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова» [19]. (Родионов — председатель Совета Министров РСФСР, Попков — секретарь Ленинградского Обкома ВКП(б).) Им инкриминировалось, что они самовольно и незаконно организовали в Ленинграде Всесоюзную оптовую ярмарку, действовали в обход ЦК и Совмина. Имея нездоровый, небольшевистский уклон, пытались отделить Ленинградскую партийную организацию от ЦК ВКП(б), к чему стремился в свое время Зиновьев. К делу был привлечен член Политбюро Вознесенский. Так, с оптовой ярмарки началось знаменитое «ленинградское дело». Этим решением Политбюро Кузнецов, Родионов и Попков были освобождены со своих постов, получили выговоры, а двое последних были направлены на партийные курсы при ЦК. «Учеба» закончилась арестом в августе 1949 г. Кузнецов и другие участники «ленинградского дела», включая Вознесенского, были расстреляны в октябре 1950 г. (реабилитированы в 1954 г.). Материалы дела показывают и обстановку в стране, и совершенно бредовые поводы, которые могли быть использованы не только для отстранения от должности, но и для уничтожения любого, кто вызывал подозрения или недовольство Сталина.

** Возможно, ему доставляло удовольствие наблюдать, как будут вести себя его идеологические клеветы в специально созданной для их испытания ситуации.

Уже то, что дискуссия проводится вторично, показывает, какое значение Центральный Комитет придает обсуждаемой теме. Тема эта, как вы сами понимаете, серьезная. После выхода книги в свет и в итоге ее изучения читателями выяснилось, что автор не совсем серьезно подошел к теме, в связи с чем книга вызвала большое количество критических замечаний и существенных поправок [20].

Как известно, книга получила положительные отзывы в документах, направленных в Комитет по Сталинским премиям и на секции самого Комитета, хорошую рецензию в главном идеологическом органе ЦК «Большевике». Говорить о большом количестве критических замечаний до решения Сталина не приходится, официально их практически не было, да и не могло быть, учитывая положение Александра, за исключением уже упоминавшихся писем Белецкого и Михалеви-ча и, возможно, кулуарных разговоров.

Выяснилась, как вы знаете, необходимость дискуссии, и такая дискуссия была проведена в Институте философии Академии наук. Центральный комитет рассмотрел итоги дискуссии ... и пришел к выводу, что как организация самой дискуссии, так и способы подведения итогов оказались неудовлетворительными [20].

Как явствуют документы, порядок проведения дискуссии в Институте философии был санкционирован ЦК и никем не мог быть изменен, а «способ подведения итогов» тем более находился целиком в его руках. В чем же Жданов видит ошибки первого «акта»?

Во-первых, к дискуссии не были привлечены работники из республик и крупнейших городов РСФСР. Во-вторых, часть записавшихся, свыше 15 товарищей, не получили возможности, хотя и записывались, выступить в прениях. В материалах, посвященных подведению итогов дискуссии, речи были приведены не стенографические, а в виде краткого экстракта, в кратком изложении [20].

Эти выводы надуманны и неверны. Во-первых, кого привлекать к дискуссии — решал ЦК. Во-вторых, и в этой дискуссии, которую вел Жданов, на восьми заседаниях из 98 записавшихся выступили 46 человек, не успели выступить и предоставили свои доклады в письменном виде — 35.

Открывая прения, Жданов от имени ЦК выразил уверенность, что «товарищи, приглашенные для участия в дискуссии, примут самое активное участие в ней, высказав *свободно* (курсив мой. — Ю. К.) все критические замечания и пожелания, которые они имеют к книге т. Александра» [20]. Тезис о свободе дискуссии усиленно пропагандировался в документах и выступлении самого Жданова. Вопрос о необходимости его выступления был решен Сталиным при определении стратегии второго акта дискуссии. Жданов готовил доклад в ходе самого совещания, вероятно, потому, что регламент дискуссии не был определен заранее. Открывая заседание 18 июня, Жданов сделал следующее вступление:

Прежде чем предоставить слово..., я должен ответить на один вопрос. Товарищи просят сообщить, сколько дней продлится дискуссия. Это было бы важно для планирования работы. Центральный Комитет не рассчитывает на то, чтобы как-либо ускорить дискуссию. Центральный Комитет готов положить на эту дискуссию столько времени, сколько вам на это будет угодно (аплодисменты).

Однако, когда к седьмому заседанию Жданов подготовил доклад*, он в письме к Сталину просит «посмотреть и сделать свои указания» и предлагает завершить дискуссию на следующий день после своего выступления, предоставив Александру заключительное слово [21]. К этому времени, как отмечалось, выступили менее половины записавшихся. Большинство выступлений носило явно демагогический и чисто идеологизированный характер. Читая эти тексты, видно, как выступавшие, которые ранее не могли себе даже представить, что они могут «замахнуться» на «выдающегося философа», теперь, получив разрешение и команду, с особым рвением вымещали свои затаенные обиды и неудовлетворенные комплексы**.

Вот образцы критики из выступлений некоторых участников дискуссии:

Эдмин: «Основной порок книги т. Александра состоит в том, что в ней нарушен принцип ленинско-сталинской партийности в философии, причем часто этот принцип нарушен по всем линиям... В книге... мы не чувствуем этого духа воинствующей большевистской принципиальности в науке (!). Даже язык т. Александра ничемный, пустой, либеральный язык буржуазного объективиста, профессора» (!) [10].

Г. М. Гак: «По моим подсчетам две трети книги уделены идеалистам, и лишь одна треть — материалистам (!) ... Опасность академизма (!), идущего вразрез с требованиями партийности в идеологии, постоянно подстерегает нас» [10].

Ему вторит Г. Н. Гусейнов: «Кстати сказать, материалисту Эпикуру в работе т. Александра посвящается столько же страниц, сколько и яростному защитнику религии Августину, если не меньше» (!) [10].

Каммари М. Д.: «Мы должны разоблачать буржуазный объективизм как лицемерный, непоследовательный „объективизм“, ибо суть этого „объективизма“ заключается в затушевывании, замазывании классовых антагонизмов... Мы обязаны разоблачать фальшивый буржуазный „объективизм“ с позиций воинствующего материализма»... «Марксизм требует точного, всестороннего, объективного анализа и оценки исторического учения. Непоследовательное проведение партийности ведет к субъективизму» [10].

Интересно высказывание Я. А. Мильнера, как бы предугадавшего последующую судьбу автора книги:

* В архивных делах имеются рукописный вариант доклада (тогда еще вожди сами писали свои тексты), несколько машинописных вариантов, над которыми работал Жданов, вариант, направленный им Сталину с его правками, а также справки, подготовленные для Жданова аппаратом Управления агитации и пропаганды в ходе дискуссии — «предложения участников дискуссии», «ошибки, допущенные некоторыми товарищами» [21]. Окончательный текст доклада опубликован в материалах дискуссии в «Вопросах философии». 1947. № 1.

** Интересный содержательный анализ выступлений и сложившихся межличностных отношений между некоторыми известными философами и властями приведен в упоминавшейся работе Г. С. Батыгина и И. Ф. Девятко [4]. Возможно, историк философии когда-нибудь сделает подробный анализ книги Александра и выступлений на философской дискуссии, чтобы полнее оценить состояние науки того времени. Во всяком случае в довольно объемистом (926 стр.) «Кратком очерке истории философии» под редакцией М. Т. Иовчука и др., выходящем многими изданиями начиная с 1960 г., даже в главах, посвященных западноевропейской философии (например, в главе XI «Начало разложения буржуазной философии»), нет ссылки на книгу Александра, кроме краткого упоминания о дискуссии 1947 г. [22].

Как бы то ни было, но сейчас уже все признают, в том числе, вероятно, и сам т. Александров, что обсуждаемая книга содержит в себе недостатки и ошибки и что, следовательно, т. Александров отнюдь не является обладателем всей абсолютной марксистской истины целиком... Но в том-то и беда, что стоит человеку занять начальственный пост, ...он мгновенно преобразуется в обладателя абсолютной истины. Ушел с поста и низведен с этого пьедестала... * [10].

Следует отметить, что на заседаниях, которые вел Жданов, были робкие попытки высказаться в поддержку отдельных положений книги Александра. Например, Каммари в своем выступлении говорил, что в книге «...безусловно есть и положительные стороны», сотрудник Института философии Паукова отмечала, что «конечно, обвинять здесь т. Александрова и находить теперь — после указаний товарища Сталина отдельные недостатки его книги ...дело не столь уж трудное». А Буйницкий повторил мысль, которую при обсуждении в Институте философии высказал И. В. Кузнецов, сказав, что «...даже ошибки т. Александра нашему делу принесут больше пользы, чем святость и непорочность иных философов-дипломатов». Однако, если в первом случае, судя по документам, аудитория поддержала И. В. Кузнецова, то во втором — «шум в зале» отражал не только негативную реакцию на попытку соблудности хотя бы элементарную объективность, но и изменение состава аудитории и духа дискуссии. Одним из самых трагических итогов этого двухактного спектакля являлось попрание норм научной полемики и элементарных нравственно-этических принципов.

В наиболее щекотливой ситуации оказались те, кто в свое время, не предвидя возможности падения Александра, давали положительные отзывы о книге, в частности Вышинский, опубликовавший в журнале «Большевик» большую хвалебную рецензию. В его выступлении была сделана попытка объяснения не только своего поведения.

Некоторые товарищи пытались искусственно ограничить рамки дискуссии только книгой т. Александра. При этом они замалчивали тот факт, что на позициях т. Александра до января 1947 г. стояли очень многие товарищи; некоторые выступавшие товарищи изображали дело даже таким образом, будто они давно видели ошибки и недостатки в книге т. Александра, но не имели возможности на них указать. Например, т. Митин заявил, что он проявил малодушие, не подвергнув ранее критике книгу т. Александра. Можно подумать, что т. Митин знал об ошибках... так ли это? Факты говорят о другом... если не все, то очень многие московские философы стояли на позициях т. Александра, считая его взгляды на все 100% правильными...

Однако Вышинский не мог обойти и свою позицию:

И когда я думаю о том, как должен я, как научный работник-коммунист, ответить на услышанную здесь критику моей рецензии, я думаю, что единственно правильным ответом будет мое заявление, что я постараюсь ответить работой и на деле постараюсь изжить те недостатки, которыми страдает моя рецензия. <...> Все товарищи согласятся с тем, что наша задача состоит в том, чтобы претворить в работе — в

* Действительно ли книга в то время уже не содержала никакого ценного для науки и учебного процесса материала? Или это было связано с последующей судьбой Александра, назначенного после смерти Сталина министром культуры, погрязшего в злоупотреблениях, снятого вскоре со всех постов и отправленного простым сотрудником в Институт философии Белорусской академии наук. Ссылки на такого «штрафника» были не только не обязательны, но и предосудительны.

статьях, брошюрах, книгах — то хорошее и большое, чему научил нас Центральный Комитет на примере критики т. Александрова [10].

Своеобразный дух сражения, развернувшегося на философском фронте, особенно вырисовывается в заключительном пассаже выступления Вышинского:

ЦК учит нас не только мужественно и терпеливо относиться к большевистской критике, но внимательнее прислушиваться к ней. Мы бойцы идеологического фронта, мы солдаты коммунистической армии. Мы философская артиллерия коммунизма. Я бы сравнил партийную критику с корректировкой огня. Мы обстреливали наших врагов, мы стреляем часто по закрытым целям. Партийная печать, а также ЦК своей критикой наших работ корректируют огонь: им виднее, куда падают наши снаряды. И, разумеется, что невразумительным стрелкам полезно иногда всыпать. Но уж пусть лучше, когда мы ошибаемся, нас сурово покритикует наш ЦК, чем мы останемся при своих заблуждениях и оставим в результате плохой стрельбы в живых наших врагов [10].

Наиболее ярко морально-этический уровень некоторых представителей философской элиты того времени проявляется при сравнении двух текстов одного из ведущих «работников философского фронта», члена ЦК ВКП(б) академика М. Б. Митина. Первый — представление на Сталинскую премию книги Александрова, написанное в 1946 г.:

В комиссию по Сталинским премиям при Совете Министров СССР

Кафедра диалектического и исторического материализма Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) просит принять к рассмотрению при отборе научных произведений на Сталинскую премию книгу тов. Александрова Г. Ф. «История западноевропейской философии».

Книга тов. Александрова является глубоким научным исследованием истории западноевропейской философии с древнейших времен до середины XIX столетия.

В книге раскрывается история философии как форма общественного сознания, отражающая общественное бытие. В основу анализа философских учений положена научная периодизация в соответствии с историческими эпохами в развитии общества.

Книга тов. Александрова дает научное понимание как отдельных философских систем, так и всего процесса развития философских идей.

Тов. Александров в своем исследовании на богатейшем историко-философском и естественно-научном материале дает всестороннее изложение учений крупнейших представителей мировой философии, их онтологических учений, теории познания, этических учений, исторических взглядов. Это дается вместе с показом конкретной истории и общественных условий, породивших философские учения. Особое внимание автор уделяет выявлению прогрессивных линий в развитии философии — материалистических и диалектических воззрений.

Книга тов. Александрова шаг за шагом раскрывает, как создавались предпосылки и условия возникновения марксизма. Последняя глава «Возникновение марксистской философии» убедительно показывает философию Маркса и Энгельса как венец многовекового развития философской мысли.

Книга тов. Александрова по своему существу, по постановке и решению вопросов представляет глубокое научное исследование. Анализ и освещение всех вопросов даны в ней на высоком идейном уровне...

Книга стала серьезным пособием для научных работников, преподавателей

вузов, партийного и советского актива по изучению истории философии и общих вопросов марксистско-ленинской теории.

На основе вышеизложенного кафедра представляет книгу тов. Александрова на соискание Сталинской премии по разделу — общественные науки за 1945 год.

Руководитель кафедры
диалектического и исторического материализма
ВПШ при ЦК ВКП(б)
академик (Митин) [23].

Второй текст — выступление на философской дискуссии 18 июня 1947 г., примерно через год после написания вышеприведенного письма. Сформулировав, на свой взгляд, основные требования «марксистско-ленинского подхода к философии вообще и к истории философии в частности», Митин сказал:

Этим же требованиям далеко не отвечает и книга тов. Александрова, которая, как уже здесь достаточно было выяснено, страдает крупнейшими пороками и недостатками. Многие из нас, в том числе и я, виновны в том, что своевременно не выступили с критикой этих недостатков. Это произошло потому, что было известное благодушие к недостаткам данной книги, а также потому, что мы так остро не видели и не воспринимали пороков книги, как это видим и воспринимаем теперь. После того, как Центральный Комитет партии повернул наше внимание к этим вопросам, наша прямая обязанность состоит в том, чтобы со всей большевистской остротой, на основе критики и самокритики... вскрыть недостатки данной книги (!). Между тем книга тов. Александрова, когда еще и еще раз читаешь ее, страдает тем пороком, что она как бы впитала в себя, сконцентрировала односторонний, неправильный подход к оценке предшествующих течений. <...> Это положение является примером непродуманной и безответственной фразы... В книге нет достаточного раскрытия социальных корней рассматриваемых философских систем. Изложение... идей в отрыве от жизни, от классово-борьбы, ...само изложение философских систем дано абстрактно, объективистски, бесстрастно... Книга т. Александрова не является боевой марксистской работой по истории философии, это работа книжная, объективистская, смахивающая на изложение теоретических вопросов в духе катедер-социализма.

...Товарищи, какие же надо сделать выводы из обсуждения книги т. Александрова? Во-первых, надо до конца вытравить академизм, аполитичность, застой, которые имеют место в работе на философском фронте. ...Во-вторых, необходимо усилить нашу идеологическую борьбу против буржуазных теорий...

Данная дискуссия, организованная по поручению ЦК партии, должна стать поворотным моментом во всей нашей работе [24].

Аналогичную метаморфозу претерпели взгляды другого видного представителя философской элиты П. Ф. Юдина. Среди документов, рассматривавшихся в связи с дискуссией в ЦК ВКП(б), находится и выписка из стенограммы заседания секции историко-филологических и философских наук Комиссии по Сталинским премиям от 6 апреля 1946 г. Вот ее текст:

Слушали: Александров — «История западноевропейской философии»

т. Юдин — Александров работал над этой книгой на протяжении многих лет. Я неоднократно беседовал с ним по этим вопросам. Это результат научной работы ряда лет. Книга безусловно представляет значительное явление в нашей исследовательской марксистской литературе. Это самостоятельное научно-исследовательское

произведение крупного значения. Всякий изучающий историю философии знает, что очень много трудных вопросов, мало исследованных, есть в истории философии. Надо сказать, что т. Александрову удалось эти вопросы решить очень удачно, и он представил это как цельный процесс развития философской мысли. Что еще ценное в этой работе? Он дает историю философии на фоне общегражданской и экономической истории... Я думаю, что он удовлетворяет самым строгим требованиям в этом отношении, давая это как самостоятельное исследование истории философии.

Язык прекрасный, написана она великолепно... Александрову удалось изложить вполне доступным, человеческим языком очень сложную науку — историю философии.

Я вполне поддерживаю предложение о выдвижении его на Сталинскую премию.

т. Митин — Я целиком поддерживаю предложение о том, чтобы выдвинуть его на Сталинскую премию.

т. Юдин — Я читал ее несколько раз. До печати она была доведена еще в 1941 году. Он отложил еще раз, переработал. В 1944 г. он еще раз отложил, доработал. Это очень продуманное произведение. Он мог бы издать в нескольких вариантах.

т. Поспелов — Я бы хотел добавить к тем оценкам, которые высказывались, к которым я присоединяюсь, еще одну, что книга прошла значительную проверку. Она еще в качестве лекций довольно широко была распространена. Затем автор дорабатывал. Таким образом, она прошла очень большую проверку, особенно среди товарищей, занимающихся самообразованием. Она действительно очень сильно помогла и помогает нашему активу при изучении философских вопросов. Так что мне кажется, что книга достойна присуждения Сталинской премии.

т. Юдин — Несмотря на сжатость, она не оставляет неясных вопросов.

(Принимается единогласно) [24].

Выступая уже на дискуссии, Юдин предстал одним из самых ярких критиков книги, он полностью отрекся от своих слов, сказанных на заседании секции в 1946 г. И, конечно, от своего труда отрекся и сам автор — Александров. Его многословное выступление на последнем заседании дискуссии, в принципе, можно свести к одной сказанной им фразе:

Указания товарища Сталина открыли мне, прямо скажу, глаза на подлинную суть, на глубочайшие основы классической идеологической борьбы.

Покаяние Александрова адресовано, конечно, Сталину, от него зависела его дальнейшая судьба. Надеялся он и на поддержку Жданова:

Надо честно, со всей партийной прямотой признать, что, работая уже много лет в области истории философии, в области марксистско-ленинской философии, я многие политически важные стороны своей работы, недостатки этой работы, а также многие стороны большевистской революционной направленности этой работы, понял только, выслушав исключительные по своему значению, по своей революционной устремленности и теоретической глубине замечания тов. Сталина на мою книгу, выслушав смелое творческое освещение вопросов истории философии, марксизма, состояние задач советского философского фронта в речи т. Жданова... [25]

Подчеркивая значение дискуссии и «вычеркивая» свою «неудавшуюся» книгу, Александров, не заботясь о сохранении собственного лица, пытается сохранить свою роль в рядах «борцов философского фронта»:

Я не скрою от товарищей, что я, и, видимо, не только я, прошел за это короткое время такой боевой семинар и, надо сказать, бывший нам нужным, как солнце и воздух, по марксистско-ленинской философии, который, конечно, трудно сравнить по своему значению, содержательности, по своей партийной воинственности с любой, даже самой высокой философской академией. <...> Вместе с тем, несмотря на все, что я, понятно, переживаю как автор книги, которая явно не удалась, оказалась плохим учебником, отрадно вместе с тем сознавать и видеть, что наши философские работники быстро подхватили указания Центрального Комитета... и развернули настоящую партийную критику, горя желанием быстро, энергично выправить эти недостатки, преодолеть их и двинуться вперед [25].

В ходе дискуссии выступавшие, в частности Б. М. Кедров, ставили вопрос о создании философского журнала. Вскоре ЦК ВКП(б) принял соответствующее решение*. Первый номер журнала «Вопросы философии» целиком был посвящен публикации выступлений на философской дискуссии. Назначенный главным редактором Б. М. Кедров так описывает ситуацию с публикацией этих материалов:

...помощники А. А. Жданова передали мне полный текст материалов философской дискуссии для помещения их в № 1 журнала, причем строго-настрого запретили вносить какие-либо изменения, поскольку, как они сказали, по указанию И. В. Сталина дискуссия была совершенно свободной, и каждому была предоставлена возможность говорить все, что он захотел или счел нужным сказать [8, с. 96].

Однако даже в этих условиях, когда Б. М. Кедров был формально освобожден от ответственности за содержание публикуемых докладов, он не рискнул издать непроизнесенный доклад Х. Г. Аджемяна, как и доклад Бердника, и посчитал необходимым внести изменения в речь Тимирязева, о чем попросил санкцию Жданова. В своем письме на его имя он, в частности, писал:

Речь Бердника производит весьма странное впечатление, поскольку она совершенно отходит от темы дискуссии и посвящена главным образом самовосхвалению и болезненно обостренным нападкам на тт. Александра и Леонова... Речь т. Тимирязева — это сплошной поклеп на передовых советских физиков, обвинение их в том, что они являются махистами и действуют чуть ли не по директивам, идущим из-за границы [26].

И если в отношении этих двух докладов Кедров совершенно обоснованно возражает против нарушений элементарных норм научной этики, то с докладом Аджемяна дело обстояло сложнее. Он затрагивал вопросы идеологии. «Право советских философов на свободное участие в научной дискуссии он истолковал как право клеветать на наше мировоззрение. Считаю, что объективно он взял на себя роль Зоценко в философии», — писал Кедров об Аджемяне в письме Жданову [26]. В своих воспоминаниях Б. М. Кедров так описывает эти события.

Через несколько дней Жданов пригласил меня к себе и прочитал свое письмо к Сталину по поводу моих предложений. Он пояснил при этом, что так как от Сталина исходило указание провести дискуссию как совершенно свободную, то теперь для любого ограничения чье бы то ни стало места требуется личное разрешение Сталина. В ответ же на письмо Жданова, по его словам, Сталин ему позвонил и дал согласие на предложенные мною изменения [8, с. 97].

* Документы, посвященные созданию журнала «Вопросы философии», подробно анализируются В. Д. Есаковым [3].

Кедров запомнил — Жданов внес в его предложение существенное изменение — доклад Бердника должен быть опубликован, хотя и с изъятием откровенных нападок на Александра, как предложил Жданов. Вот выдержки из письма Сталину:

Товарищу Сталину

Редактор журнала «Вопросы философии» тов. Кедров обратился ко мне с просьбой: при публикации в № 1 журнала материалов дискуссии по книге тов. Александра не публиковать речей тт. Аджемяна и Бердника и внести изменения в речь тов. Тимирязева...

Ознакомившись с этими речами, я считаю, что: 1) речь т. Аджемяна (известного своими попытками возрождения взглядов буржуазно-исторической школы Милюкова) как враждебную марксизму-ленинизму галиматью — не публиковать; 2) из речи т. Бердника, содержащей ряд немотивированных и преувеличенных нападок на т. Александра, ... надо устранить эти преувеличения и личные выпады... 3) из речи т. Тимирязева надо исключить огульные обвинения против современных советских физиков...

Прилагаю выдержку из письма т. Кедрова. Прошу Ваших указаний.

28. 7. 47.

А. Жданов [26]

Это письмо еще раз показывает, кто был подлинным руководителем этой сложной, многоходовой философской дискуссии и какой самостоятельностью обладали ближайшие сподвижники Сталина, если по такому, в общем, второстепенному вопросу Жданов считал необходимым испрашивать указаний.

Итак, из всех представленных материалов не был опубликован один-единственный доклад Аджемяна. Какая же «враждебная марксизму-ленинизму галиматья» закрыла дорогу к читателю этому тексту? Вот выдержки из материала, представленного Аджемяном на дискуссию.

Книга т. Александра «История западноевропейской философии» является трудом незаурядным. Таких книг мы не каждый год и даже не каждые пять лет получаем от наших философских кадров, и сама эта книга суть результат десятилетней довольно интенсивной работы автора как на философско-публицистическом, так и академическом поприще. Я не буду тут особенно распространяться о том общепризнанном факте, что безоговорочное восхваление этой книги товарищами Вышинским и Баскиным, как и последующее огульное очернение товарищами Митиным, Юдиным*, Белецким и Светловым, говорит о неприглядных нравах, бытующих у нас, среди людей, занимающихся наукой нравственности, моралью. Это лицеприятное угодничество, как и его антипод, достаточно дискредитировали себя, и потому мы должны выступить только о таких недостатках книги, которые действительно имеют учебно-академическую значимость, поскольку эта книга — учебник и имеет прямое назначение удовлетворять академические потребности наших высших школ...

Далее идет анализ ошибок книги Александра, требующий оценки профессионального историка философии. Затем автор опять возвращается к общим вопросам:

* Аджемян, видимо, не знал о хвалебных отзывах Митина и Юдина, написанных годом ранее в Комиссию по Сталинским премиям.

Профессор, преподаватель философии никогда не был и не считался философом. Он был специалистом по философии. Если и иной раз называли таковым, то с сознанием того, что это вольность, жаргон. С этой точки зрения у нас есть философские работники, популяризаторы, специалисты, историки философии и критики философии. Но философов, утверждаю я, у нас здесь в зале нет. Почему? Потому что философ — это означает не просто ученый, посвященный в философскую науку, но творец этой науки. Возьмите обсуждаемую книгу. Можно ли автора называть философом на основании этой книги? Никак, он историк философии и только. Но у него же на днях вышла статья против Дьюи и других. Выступает ли он в этой статье как философ? Нет. Он тут выступает как критик философии. Но вы скажете, что у т. Александрова была работа: «Диалектика и политика». Не принадлежит ли она жанру настоящей творческой философии? Да, принадлежит, но эта работа была слабо разработана и поэтому она подавала надежду, что ее автор может стать и станет философом... Мы должны с некоторым смущением отказаться от тех иллюзий, что у нас множество философов, и заботиться о том, чтобы наиболее творчески одаренные из них получили бы возможность проявить себя как философы, т. е. обогащать ядро, сердцевину философской науки, а не только внешнюю опору, систематизацию, историческое освещение этого ядра.

Мы должны дать широкие возможности печатать всякую смелую, оригинально задуманную работу, посвященную проблемам диалектического и исторического материализма, логики, онтологии, гносеологии не в том аспекте, как было до сих пор, а совершенно в другом. До сих пор мы писали о философии, а после этого не только о философии, но, главным образом, саму философию*. Творческий философ не должен заниматься только критикой новых реакционных модных течений буржуазного мира, а он должен сам создать новые современные прогрессивные течения, оттенки, жанры в области философии ... [10, лл. 61, 80, 81].

Знакомство с докладом Аджемяна показывает, что он не вписывался в концепцию дискуссии, разработанную Сталиным. Ни оценка книги, ни утверждение об отсутствии у нас творческих философов, ни тем более призыв «дать широкие возможности печатать всякую смелую, оригинально задуманную работу» не соответствовали намерениям по установлению жесткого идеологического надзора за наукой и обществом. Поверив в «право советских философов на свободное участие в научной дискуссии», Аджемян не учел, какова может быть реакция у «философской общественности» и руководства «идеологическим фронтом» на его критику и крамольные предложения.

Пределы дарованной сверху свободы для советских философов очень скоро ощутил и Кедров, пытавшийся создать в журнале атмосферу творческого поиска и привлечь к работе новых авторов, в том числе авторитетных ученых-естественников**. В начале 1949 г. Б. М. Кедров, успев выпустить всего 3 номера журнала (в жестком

* Так в тексте.

** Выступая на конференции «Философия естествознания XX века», проходившей в Институте философии в октябре 1996 г., член-корреспондент РАН Е. Л. Фейнберг рассказывал о давнем разговоре с М. А. Марковым, представившим в 1947 г. свою знаменитую статью в новый философский журнал. На опасения Фейнберга и предупреждение, что этого не следует делать до выхода книги, Марков говорил о том, какие новые, интересные люди в редакции журнала, уверял, что надеется на положительный резонанс и пользу в пропаганде новых физических идей. Результаты этой «оптимистической наивности» известны. Статья М. А. Маркова, как и опубликованная в том же номере статья Шмальгаузена, были подвергнуты уничтожающей критике и стоили авторам и редактору многих серьезных неприятностей.

противоборстве с идеологами ЦК и ревностными борцами с идеализмом, возглавляемыми М. Б. Митиным, А. А. Максимовым), был снят с поста главного редактора* [7, с. 102, 103].

Между тем Жданов, завершая дискуссию и отвечая на вопросы, задаваемые дисциплинированными и осторожными участниками, сказал, подчеркивая «свободный» характер дискуссии, что все присутствовавшие могут рассказывать о ходе и ее результатах «то, что считают нужным», и никаких специальных постановлений ЦК по этому поводу не будет.

Конец сражения — борьба продолжается

Дискуссия завершилась, а ее главный герой не знал своей дальнейшей судьбы. Не появилось никакой информации о дискуссии и в печати. Надеюсь, видимо, что отставки удастся избежать, 11 июля Александров пишет письмо Сталину и Жданову. Вот некоторые выдержки из этого документа:

Товарищу Сталину И. В.
Товарищу Жданову А. А.

За эти последние несколько месяцев после Ваших замечаний на мою книгу, а затем в связи с дискуссией, я самым пристальным образом пересмотрел то, как и о чем писал все эти пятнадцать лет, в течение которых занимаюсь литературной работой. Для меня ясно все принципиальное значение Ваших указаний и прошедшей философской дискуссии. Я вполне осознаю, что, не поправь меня Центральный Комитет по теоретическим вопросам, мало пользы было бы от меня как от профессионального философа для партии... Философская дискуссия, и особенно глубокое, сильное выступление товарища Жданова, зарядили философских работников огромной большевистской страстью, вызвали у всех у нас рвение, искреннее стремление покончить со старыми приемами, навыками в научной, публицистической и организационной работе, делать быстрее, лучше, боевее наше партийное дело.

Но Александров не только каялся, но предлагал целую программу «некоторых мер», которые, по его мнению, позволили бы «быстро достигнуть нужных результатов». Она включала подготовку плана издания и публикацию работ по философии на заданные темы, замену директора Института философии и направления в него группы «новых способных работников» (с предложением фамилий возможных кандидатов), улучшения работы и кадрового укрепления издательства в области философской литературы, изменения состава редакции журнала «Большевик». Ссылаясь на практику работы различных научных обществ, Александров предлагал создать Всесоюзное философское общество, «которое могло бы издавать философский журнал, устраивать дискуссии, научные съезды и объединить работу всех профессиональных философов страны... для широкой пропаганды марксистско-ленинской философии». В заключение Александров предлагал существенно расширить и укрепить кадрами свое Управление в ЦК ВКП(б) [26].

В августе 1947 г. философская дискуссия напомнила о себе. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 августа был рассмотрен вопрос «О книге по истории философии». В протоколе указывалось: «1. В связи с итогами дискуссии по книгам тов. Александрова... признать необходимым составление новой книги по истории

* По сменяемости главных редакторов журнал «Вопросы философии» может претендовать на занесение в книгу рекордов Гиннеса.

философии. 2. Утвердить следующий состав авторского коллектива по составлению книги по истории философии: тт. Александров Г. Ф., Дынник М. А., Иовчук М. Т., Кедров Б. М., Леонов М. А., Митин М. Б., Трахтенберг О. В.». К «сотрудничеству» по составлению книги привлекались 23 человека, включая Юдина, Белецкого, Васецкого, Кружкова, Максимова, Федосеева, Францева и др. При составлении книги предлагалось всесторонне учитывать материалы философской дискуссии. На подготовку книги авторам представлялся «один год — полтора года», а ее проспект должен был быть подан в ЦК ВКП(б) в двухмесячный срок* [27]. Таким образом, намерение Александра самому переделать книгу было пресечено, а ее написание доверено целому коллективу. Чуть позднее, 24 августа, после выхода первого номера «Вопросов философии» с материалами дискуссии, появилась большая критическая статья Юдина в «Правде». А еще через месяц решилась судьба и самого Александра. 17 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление по «вопросам Управления пропаганды и агитации»:

1. Освободить т. Александра Г. Ф. от обязанностей начальника Управления...
2. Утвердить начальником Управления ... секретаря ЦК ВКП(б) т. Сулова М. А., освободив его от обязанностей начальника Управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б) [27].

Так началась многодесятилетняя карьера Сулова в роли главного идеолога партии.

Этим же решением П. Н. Федосеев был освобожден от обязанностей первого заместителя начальника Управления пропаганды и агитации «с тем, чтобы т. Федосеев сосредоточил свое внимание на улучшении руководства журналом „Большевик“ как его главный редактор».

Первым заместителем начальника Управления был назначен Д. Т. Шепилов, освобожденный от обязанностей редактора «Правды» по отделу пропаганды [27, п. 219].

А еще через несколько дней Политбюро утвердило решение Секретариата ЦК «О директоре Института философии АН СССР». Г. С. Васецкий был освобожден от обязанностей директора с оставлением его на работе в Институте, а Г. Ф. Александров утвержден директором [27, п. 241].

Так завершились события, непосредственно связанные с философской дискуссией. Анализ документов показывает иезуитский характер ее организации, достойной «лучших» деяний инквизиции. Следует отметить, что «сражение на философском фронте» освещалось и в печати, и в научных кругах не столь широко, как последующие «научные процессы» в биологии, физиологии и языкознании. Вероятно, высшее партийное руководство не желало создавать в обществе неблагоприятное впечатление о положении дел в главных идеологических структурах. Сталин посчитал, что цель достигнута. Философскому сообществу был преподнесен хороший урок, а партаппарату показано, как надо вести идеологическую обработку. Общественные науки получили четкие указания и ориентиры. Всем работникам «идеологического фронта» должно быть ясно, что шаг влево и шаг вправо с обозначенной вождями идеологической тропы мог быть расценен как побег в лоно «буржуазной», «идеалистической», «антимарксистской», «враждебной» и т. п. идеологии. Недаром термин «фронт» так часто использовался как саморазумеющееся понятие в приложении к науке, в частности к философии. Что делают на фронте с

* Намерение Сталина подготовить книгу за «один год—полтора» оказалось неосуществленным. Видимо, после дискуссии это его уже не волновало.

врагами, с отщепенцами, с отклонистами? Ясно, они должны быть повержены. Язык дискуссии как отражение духа времени был в большинстве случаев предельно жестким, часто злобным и, конечно, не научным.

В обиход внедрялись новые понятия, такие, как «разоружиться», т. е. отречься от своих убеждений, от ранее написанного, от того, что могли отнести к «идеалистическим извращениям». Стремление к объективному анализу могло быть объявлено «буржуазным объективизмом», нарушением классового подхода, а если надо, то «субъективизмом» и прочими идеологическими «измами». Ругательным становится термин «академизм», обвинительным и уничижительным — звание «профессор». Самый опасным для жизни научного сообщества стала возможность широкого проникновения посредственности под прикрытием идеологического щита во все сферы и структуры научного организма. В то же время ужесточался партийный контроль за всеми сторонами научной деятельности. Жестко регулируя все процессы, партия уделяла особое внимание «расстановке кадров», философским исследованиям, публикациям и конференциям.

Уже через несколько месяцев после завершения дискуссии «кураторы» науки в ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилов и Ю. А. Жданов в специальной записке на имя секретарей ЦК А. А. Жданова, А. А. Кузнецова и Г. М. Попова дают отрицательную оценку положению в философском сообществе: «Необходимых изменений в работе руководящих учреждений, призванных возглавить и осуществить перестройку работы на философском участке идеологического фронта не произошло». Уничтожающей критике в первую очередь подверглась редакция журнала «Вопросы философии» за только что подготовленный второй, а фактически первый номер*. Журнал «не стремится освещать острые проблемы современности», забыл о партийности в философии, умаляет значение философской дискуссии, берется формулировать основные задачи философской работы. Досталось в записке и «основному теоретическому органу» партии журналу «Большевик», не сумевшему стать «органом воинствующего большевизма в борьбе за партийность в философии».

Далее в записке на нескольких страницах разбирается деятельность Института философии АН СССР, резко критикуется план его научных работ на ближайшие годы: не отражает задач и проблем, вставших перед страной и партией в современный период. Институт продолжает работать по старинке, далее разговоров о необходимости перестройки «дело не пошло». Недовольство вызвал и «метод привлечения почти к каждой монографической работе целой бригады авторов». Такой «бригадный метод», писали авторы записки, «неизбежно приведет к тому, что в итоге появятся на свет сборники статей, а не полноценные научные труды». Интересно, что именно такой бригадный метод был предложен Сталиным в решении Политбюро для подготовки новой книги по истории философии. Еще через год, в декабре 1948 г., отделом науки ЦК на имя Г. М. Маленкова (заменившего умершего А. А. Жданова) была направлена новая записка с анализом деятельности журнала «Вопросы философии» [28]. По всей вероятности, записка подготовлена с использованием заказных писем-доносов Митина и Максимова, ссылавшихся на результаты дискуссии, что предопределило снятие Б. М. Кедрова и окончательный разгром наметившейся линии журнала.

В связи с результатами философской дискуссии в ЦК ВКП(б) поступает целый ряд писем, авторы которых «разоблачают» идеализм и отступничество от марксизма-ленинизма. И хотя многие письма несут на себе печать явного невежества или све-

* В первом номере, как уже упоминалось, были опубликованы только материалы дискуссии.

дения личных счетов, тем не менее они находят в том или ином виде поддержку в отделе науки ЦК. Так, в марте 1949 г. некий инженер В. Н. Аристов «по итогам почти 3-летней борьбы с метафизикой — махизмом и другими проявлениями внутренней реакции от идеализма», ссылаясь на доклад А. А. Жданова на дискуссии, настаивает на «необходимости немедленного пересмотра понятия „масса“ в физике и прикладных науках» [28]. Н. П. Дудоров в письмах в ЦК в 1952–1953 гг. добивается публикации в «Вопросах философии» своей с Б. А. Поляковым статьи, разоблачающей «реакционную сущность теории относительности Эйнштейна». Несмотря на неоднократные заявления специалистов о том, что «статья лишена научного содержания» и является «антинаучной», отдел науки ЦК, зацепившись за ее «идеологическую направленность», дает заключение, что авторы «правильно указывают на отсутствие активной наступательной борьбы против идеализма в так называемой «теории относительности». И хотя отдел науки ЦК вынужден констатировать, что «в своих выводах (авторы) предлагают отбросить и то рациональное, что достигнуто в ряде областей теоретической физики за последнее столетие», все же рекомендует еще раз рассмотреть вопрос о целесообразности ее опубликования [29].

Ему вторит зав. сектором исторического материализма Института философии В. Николаев. В письмах на имя Суслова он, в частности, пишет, что в «Институте философии АН СССР, призванном бороться против всех и всяких отступлений от принципов марксизма-ленинизма, имеют хождение „теории“, объективно разоряющие советский народ, ревизующие важнейшие положения ленинизма, искажающие политику партии» [30].

О поощрении «идеологической» борьбы среди «работников философского фронта» свидетельствует и письмо аспиранта Института философии М. А. Скрябина, направленное в декабре 1950 г. на имя Берии, переадресованное последним в ЦК Маленкову с резолюцией: «Прошу заинтересоваться». Характерен выбор адресата и название послания: «Об антигосударственной деятельности проф. Константинова по задержке развития Института философии АН СССР». Обвиняя Константинова во всех смертных грехах, а по сути во вредительстве, Скрябин «сигнализирует», что «развитие Института преступно задержано» [30].

В отделе науки ЦК воспользовались этими письмами для подавления инакомыслия тех ученых, идеи которых не соответствовали официальному курсу. Демонстрируя бдительность и непримиримость к «идеалистическим извращениям», надзиратели за наукой проявляли и собственную инициативу. В справке для Секретариата ЦК они приводили примеры неудовлетворительной работы сотрудников, не упоминавшихся в доносах. Вот выдержки из справки, характеризующие продолжение упорной борьбы на философском фронте и через несколько лет после дискуссии:

Научный сотрудник сектора философии естествознания И. В. Кузнецов (бывший зав. сектором) выступил в печати с защитой идеалистической «теории резонанса» и ее сторонников в нашей химической науке. Издание ошибочной работы И. В. Кузнецова «Принцип соответствия в современной физике и его философское значение», а также книг Б. М. Кедрова «Развитие понятия об элементах от Менделеева до наших дней», «Атомистика Дальтона», раскритикованных в печати, свидетельствует о том, что сектор ... стоял на неправильных позициях по ряду важнейших вопросов теории естествознания [30].

В апреле 1952 г. произошло еще одно событие, подтверждающее мысль М. Г. Ярошевского о том, что Сталин предвидел, как будет вести себя Александров в ответ

на уничижительную экзекуцию. Казалось бы, ему первому надо было постараться не только не вспоминать, но и, пользуясь своим положением директора Института философии, сделать все, чтобы и другие постепенно забывали о событиях на философском фронте 1947 г. Демонстрируя свою верноподданность и готовность к новым унижениям, если это будет угодно вождю, он обращается в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором пишет: «Институт философии предполагает провести в начале июня с. г. научную сессию, посвященную пятилетию со дня философской дискуссии» [31]. Но у вождя уже были другие заботы. Готовился XIX съезд партии, после которого должны были быть отстранены (или устранены) Молотов, Микоян, возможно, и другие его ближайшие «соратники». Так что было не до Александра. Тем более что вся наука после сессии ВАСХНИЛ, «Павловской» сессии, «обучения» языкознанию и другим урокам уже твердо стояла на материалистическом фундаменте и, по мнению аппарата ЦК, в стратегическом плане ей серьезно не могли угрожать никакие идеологические отклонения. Отделом науки ЦК на имя Сулова была подготовлена соответствующая справка, характеризующая отношение и к Институту философии, и к самому Александру:

Считаем, что проведение юбилейной сессии, посвященной пятилетию со дня философской дискуссии, не вызывается необходимостью и может вылиться в ненужную шумиху. За этот период Институт философии АН СССР не обеспечил выполнение важнейших указаний философской дискуссии. До сих пор не выполнено поручение ЦК ВКП(б) о подготовке книги «История философии», не созданы учебники по диалектическому материализму, историческому материализму, логике и психологии, нет серьезных работ по разоблачению реакционной буржуазной философии, слабо разрабатываются вопросы естествознания, не обобщается опыт строительства социализма в странах народной демократии [31].

Так не состоялся предложенный уже самим Александровым третий акт философской пьесы. Для главного режиссера этот спектакль был уже отыгран и продолжения не требовал. Главный его герой не представлял теперь никакого интереса, как и проблемы истории философии, с ним связанные.

Рассматривая сквозь призму партийных документов поведение людей, причастных к событиям, развернувшимся в ходе и после философской дискуссии, нельзя не учитывать влияния нагнетавшейся в стране обстановки страха и незабытых предвоенных репрессий. И деятели философской элиты, и рядовые «философского фронта» — научные сотрудники философских институтов и кафедр, и надзиравшие за ними аппаратчики ЦК разных уровней знали, что их положение, работа, а может быть, и жизнь могли зависеть от неосторожных действий или высказываний, не совпадавших в тот или иной момент с намерениями вождей.

В такой морально-психологической атмосфере одни находили возможность и способы сохранить человеческое достоинство, другие были парализованы страхом, третьи, наоборот, могли существовать и пребывать в «крупных ученых» только в такой обстановке. Одна из главных трагедий сталинского времени — слом нравственных ограничителей, что особенно опасно для нормальной жизнедеятельности научного сообщества. Задача современного исследования — не обвинять, а попытаться понять глубинные причины поведения людей в той обстановке.

Отзвуки философской дискуссии еще долго будоражили философское сообщество. А заданный ею идеологический настрой на многие десятилетия наложил отпечаток на работы в различных областях общественных наук и оставался неизменным, несмотря на многочисленные «реорганизации» в руководящей идеологической верхушке партии.

Список литературы

1. Источник. Документы русской истории. 1996/3 (22).
2. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125 (протокол № 105).
3. Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 83–106.
4. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1, 2, 3.
5. Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1950.
6. Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Вып. I. Л., 1991.
7. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 454.
8. Кедров Б. М. Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988. № 3.
9. Ярошевский М. Г. Как предали Ивана Павлова // Репрессированная наука. Вып. II. СПб., 1994.
10. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 490. Стенограмма. Вып. 3. Тексты не успевших выступить в дискуссии. (См. также Вопросы философии. 1947. № 1. Выступление Мильнера Я. А.)
11. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 228.
12. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 477.
13. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063.
14. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 52.
15. Большевик. 1947. № 1. С. 5–15.
16. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 477.
17. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 299.
18. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064.
19. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074.
20. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 480.
21. РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 983.
22. Краткий очерк истории философии / Под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. М., 1981.
23. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 478. Л. 24, 25.
24. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 482. Л. 37, 45.
25. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 487. Л. 5.
26. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 2–6, 35.
27. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066.
28. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 34. Л. 51–59, 61–69.
29. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 290. Л. 17, 91, 96.
30. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 8. Л. 245–311.
31. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 199, 206.

А. С. СОНИН

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ НАЗНАЧЕНИЕ*

Эта история произошла в 1949 г., в разгар бурной политической кампании по борьбе с космополитизмом.

Кампания, начатая известными идеологическими постановлениями ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», «О кинофильме „Большая жизнь“» и «Об опере В. Мурадели „Великая дружба“» (1948 г.), имела своей целью ограничить свободу творчества интеллигенции рамками пресловутой «идейности», дискредитировать западную культуру и демократию, воздвигнуть, в конечном итоге, «железный занавес» между нашей страной и остальным миром. Одним из составных элементов этой кампании была борьба с преклонением перед иностранцами, чему должно было служить возвеличивание национальных достижений во всех областях культуры и науки. Последнее вряд ли достойно осуждения, если бы национальные приоритеты утверждались с помощью объективных исследований и спокойных дискуссий. Однако в пылу борьбы с космополитизмом под давлением идеологических органов утверждение приоритета советской науки превратилось в постыдный фарс. Достаточно вспомнить, как Ломоносову приписывали открытие закона сохранения энергии, Лобачевского объявляли чуть ли не создателем теории относительности, а Можайский становился изобретателем аэроплана. Тогда-то и возник ставший популярным анекдот: «Россия — родина слонов».

На этом фоне история о несостоявшемся назначении Чичерина автором планетарной модели атома кажется нетипичной. Однако причины, побудившие отказаться от назначения, и весь механизм этой идеологической кухни достоин пристального внимания.

В январе 1949 г. в Ленинграде состоялась сессия Академии наук, посвященная истории отечественной науки. В соответствии с общим направлением кампании сессия призвала усилить пропаганду достижений отечественной науки во всех областях. В результате во многих журналах, в том числе и научно-популярных, пошли сплошным потоком статьи, восхваляющие достижения как давно забытых, так и хорошо известных российских и советских ученых.

Журнал «Техника — молодежи» в трех номерах за 1949 г. опубликовал обширную статью писателя-популяризатора А. Ф. Буянова «Творцы химической науки» [1]. В ней с большим пафосом были описаны достижения русских и советских химиков, начиная с Ломоносова и кончая Несмеяновым. В разделе, посвященном Менделееву и его периодической системе, Буянов довольно подробно изложил гипотезу о строении атома, принадлежащую Чичерину.

Борис Николаевич Чичерин (1824–1904) был личностью незаурядной [2, 3]. Историк, философ, юрист-государственник, видный общественный деятель, он профессорствовал на юридическом факультете Московского университета. В каждой из трех областей своей деятельности Чичерин внес большой вклад.

Как историк он основательно изучал областные учреждения России XVII в., вопросы государственного строительства Англии и Франции и историю политических учений. При этом он отстаивал государственную теорию исторического процесса, рассматривая государство как надклассовую организацию, способную усмирить противоречивые устремления классов и сословий.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 96–03–04540).